

(Продолжение. Начало на 4-й стр.)

Разумеется, вопрос перемещения конструктивных идей музыкальных инструментов во времени и пространстве, в частности, из села в город или наоборот, очень непростой. Что касается, к примеру, колотушек ночного сторожа, то они равно могли использоваться и в древнем городе, и в деревне. Жестяная колоколка, сваренная медным припоем, могла изготавливаться кузнецами в средневековом Новгороде, возможно, не столько для собственных нужд, сколько для продажи на село. Относительно же гудка и гуслей можно предполагать, что таковые, принадлежавшие бродячим профессиональным музыкантам — скоморохам — в прошлом выходцам из Византии, появились поначалу в городе и обслуживали аристократическую верхушку, а потом постепенно распространились на село и закрепились там, озвучивая прежде всего обрядовые пляски. В такой именно роли использовались в XX веке малострунные гусли в селах восточнее Новгорода. При этом приходится помнить, что между новгородскими гуслиями XIV—XV веков и гуслиями, бытовавшими в селах Новгородской и прилегающих областей в XIX—XX веках, протянулся почти полтысячелетний период «молчания»: простонародные гусли с веерообразным расположением струн были изображены лишь однажды — в «Диссертациях о русских древностях» Матиаса Гутри в 1795 году. И все же, если сравнивать деревенские гусли XIX—XX веков с их древними новгородскими образцами, то древние во всех отношениях — по добротности строения, по использованию при этом набору деревообрабатывающих инструментов, по художественному оформлению и общему скульптурному облику — выигрывают перед поздними. Случайно или нет, но деревенские гусли, не лишённые, конечно, своей грубоватой прелести, в способе их изготовления были в конце концов доведены до крайней степени простоты. Правда, все это сплетено с общим процессом упрощения, отмечаемым в самом Новгороде, особенно со второй половины XIII века.

Село, похоже, не раз приспособляло к своим условиям «городские» или «новые» музыкальные инструменты. Вспомним, что те же гусли, всевластные в песнях и старинах, самогудные и златострунные, почитавшиеся в веках, были тем не менее вытеснены из жизни сразу же, как только появились громкоголосые фабричная балалайка, а особенно гармонь. Гармонисты ловко переняли все, что раньше игралось на гуслиях.

И теперь, когда говорят, что у такого-то народа такой-то музыкальный инструмент — собственно национальный и существует испокон веков потому, де, что используется в традиционных обрядах, то это не самый безупречный довод: гармонь, как видим, отнюдь не древний инструмент, но

прочно вошла в обрядовую жизнь села, и не только у русского народа.

Таким же образом когда-то были восприняты селом и гусли — инструмент для своего времени многозвучный и чарующий. Их обрядовая роль по сравнению с гармонью была более выраженной, но это вовсе не означает, что конструктивные истоки гуслей возникли в сельской среде. В основе сельской музыкальной культуры заложен магический ритуальный шаг, пляс, к нему приспособлялись те или иные музыкальные инструменты, а не наоборот.

Не будем далее внедряться в этот вопрос. Заметим лишь, что и ранние сельские музыкальные инструменты и инструменты, воспринятые селом позднее, — все они в большей или меньшей мере со временем приобретают соответствующий условиям их бытования облик. Они так или иначе становятся плодами сельской природной и культурной нивы. При этом пастушьи инструменты в сельском музыкальном инструментарии представляются наиболее архаичными.

ИВОТ ТЕПЕРЬ, стоя на зачищенной поверхности материка со следами древней вспашки, с обнажившейся вдруг под самыми нижними плахами мостовой Черницыной улицы грунтовой дорогой, с удивлением понимаешь, что не только в поздних культурных напластованиях, когда Новгород вырос и стал называться Великим, но и в изначальных слоях не обнаружено именно этих — архаичных деревенских музыкальных инструментов. Да, впрочем, если что-то в таком роде и найдется, то сложившееся впечатление вряд ли по сути изменится: слишком уж популярны были в древнем Новгороде гудочки, гусли, сопельщики.

Первые новгородцы — кто они? Какое их отношение было к земле? А скорее, быть может, к воде? Что-то ведь, например, означают использованные вместо лаг под первой мостовой все той же Черницыной улицы две огромные, двенадцатиметровые бортовые корабельные доски. Причалили — и корабль, размерами не отличающийся от птицеподобных кораблей викингов, стал ненужным? Все это походит на некое напоминание или, точнее, на запоздалую традицию Великого переселения народов. Говорится же в преданиях, и, похоже, не напрасно, о давних связях новгородцев со скандинавами, с Польским Поморьем. А. А. Зализняк, открывший в берестяных грамотах новгородский диалект XI—XII веков, обнаружил многие его признаки в западнославянских языках, в польском в особенности, где отмечается, к стати, и большое совпадение имен с дохристианскими именами новгородцев. Поражают, наконец, и совпадения в области музыкальной археологии.

В 1949 году в Ополе в слое XI века и Гданьске в напластованиях XIII века были обнаружены обломки струнных музыкальных инструментов. В верхней их части имелось игровое окно. Поскольку для Польши в течение мно-

гих веков оставалась характерной игра на смычковых музыкальных инструментах, то специалисты реконструировали означенные находки как смычковые гэншье. Спустя десятилетия, основываясь на подобных новгородских находках начала XI — середины XIII веков, но в большей мере уцелевших, удалось сделать доказательную реконструкцию польских гэншье как щипковых лирообразных инструментов. Стало ясно, что польские и новгородские лирообразные гусли — производные единой школы строительства музыкальных инструментов. Но вернемся к музыкальным древностям нынешнего археологического сезона.

Вот два колка или шпенечка рубежа X—XI веков, служившие для настройки струн. Один из них, возможно, принадлежал гуслиям. Если так, то возраст лирообразных гуслей удвояется на два-три десятилетия относительно прежнего свидетельства — обломка таковых, изъятых из слоя первой четверти XI века.

ВООБЩЕ лирообразные гусли — открытие особого значения. Определенные Б. А. Колчинным еще на рубеже 1960—1970 годов как вид струнного щипкового музыкального инструмента, они не перестают будить воображение и, оставаясь во многом таинственной за семью печатями, вызывают к жизни один, пожалуй, главный вопрос: почему в нашей исторической памяти — устной, письменной, изобразительной — не нашлось места для столь характернейшего в средних веках музыкального орудия? Были, правда, попытки увидеть его изображенным в Новгородской Симоновской (Хлудовской) Псалтири конца XIII века, но утверждать, что художник срисовывал с натуры именно новгородский тип лирообразных гуслей невозможно: показанный в книге, причем дважды, лирообразный инструмент лишен струнодержателя, а по нему-то и определяется тип. В отличие от западноевропейских шестиструнных лир, популярных в первом тысячелетии, новгородские лирообразные гусли не имели под струнами кобылки, иначе подставки, механически влияющей на резонансный процесс; их струны беспрепятственно тянулись от стержня струнодержателя к шпенечкам, определяя таким образом принцип звукообразования, основанный на «чистом» резонансе. Эта важная особенность лирообразных гуслей сохранялась впоследствии в традиционных новгородских гуслиях, уже не имевших игрового окна, вплоть до XX века. Что и позволило, основываясь на традиционных приемах гусельной игры и обрядовых наигрышах, записанных, наконец-то, и осознанных в их подлинном культурном значении лишь на исходе XX века, представить реконструктивный вариант звучания древнейших на Руси гуслей. Лирообразные гусли — это едва ли не самое наглядное свидетельство связи русской культуры с культурами древних цивилизаций, ближайшая из которых Античная Греция. Вспомним, что великая эпоха игры на щипковых лирообразных инструментах

(Продолжение на 6-й стр.).